

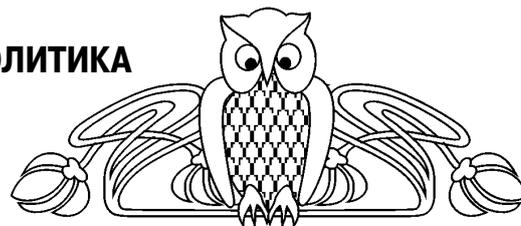
- ⁸⁹ См.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 425.
- ⁹⁰ *Якубов К.Н.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. (Сб. мат. из Моск. Главн. архива МИД и Шведского гос. архива 1616–1651 // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. М., 1897. С. 4–28.
- ⁹¹ См.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 416, 421.
- ⁹² См.: *Козляков В.Н.* Указ. соч. С. 84; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁹³ Включение какой-либо территории в объектную (географическую) часть титула монарха свидетельствовало о притязании его на господство в данном регионе. Шведы хотели, чтобы король писался Ингерманландским, а русские послы требовали для Михаила титула «повелителя северной страны». *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁹⁴ Полную публикацию Столбовского договора из 33 статей см.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 430–450; ПСЗ. Т. 1. № 19; *Лыжин Н.П.* Указ. соч. Прилож. № 11. С. 142–173.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 139.
- ⁹⁶ Интересно отметить, что русские люди говорили Меррику о Китае: «Про Китайское государство сказывают, что невеликое и небогатое, – добываться к нему нечего». Также бояре говорили Меррику, что Китай весь обведен кирпичной стеной: «... и потому мочно знать, что место невеликое». См.: *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁷ Меррик получил за свои хлопоты на съездах: цепь золотую с парсуной царя (в 600 крон), ковш с камнем (золотую чашу с рубинами и сапфирами в 400 гульденов), платно персидское, шелк лазорев да черевчат с золотом на соболях, образцы низаны жемчугом с камнем (парчовый кафтан, украшенный соболями, ценой в 500 рублей), шапку лисью черную (высокую), кусок бархату, кусок атласу, камку, пять сороков соболей (50 прекрасных соболей), 5000 белки (беличьих мехов). См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 101; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII стол. СПб., 1894. Т. II. С. 152.
- ⁹⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (СГГД). СПб., 1822. Т. 3, № 35.
- ⁹⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 140–148.

УДК 327 (47+57)+929 Чичерин

Г.В. ЧИЧЕРИН И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ВОСТОКА

Д.В. Редченко

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: engels-volga@yandex.ru

Статья посвящена взглядам и деятельности народного комиссара по иностранным делам Георгия Васильевича Чичерина в области советской восточной политики. На основе архивных документов автор раскрывает или уточняет роль Чичерина в ряде событий 1920-х гг., связанных со становлением и развитием отношений Советской России с ее восточными соседями. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Г.В. Чичерин, НКВД, Восток, Коминтерн, НКВД, национально-освободительное движение.

G.V. Chicherin and the Soviet Foreign Policy in the East Countries

D.V. Redchenko

The article is devoted looks and activity of folk commissar on foreign affairs George Vasilievich Chicherin in the field of soviet east policy. On the basis of the archived documents an author exposes or specifies the role of Chicherin in several events 1920-kh, related to becoming and development of relations of Soviet Russia with its east neighbours. Many of these documents are entered in a scientific turn first.

Key word: Chicherin, NKID, the East, Komintern, NKVD, national-liberation movement.

Советская внешняя политика в 1918–1930 гг. неразрывно связана с именем Георгия Васильевича

Чичерина. Дворянин, получивший блестящее образование, знаток истории отечественной дипломатии, приобретший широкую известность в годы Первой мировой войны в эмигрантских кругах, социалист (меньшевик)-интернационалист, Чичерин оказался находкой для новой Советской власти. Несмотря на свое не большевистское политическое происхождение и вступление в РСДРП(б) лишь в 1918 г., он, тем не менее, полностью разделял центральные внешнеполитические установки большевистского руководства, оформившиеся после подписания Брестского мира с Германией и ее союзниками. Именно Чичерин, участвовавший в подписании этого мира 3 марта 1918 г. и назначенный через десять дней после этого и.о. наркома (с 30 мая наркомом), стал одним из ключевых проводников той самой двойственной внешней политики большевиков, которая наиболее полно проявилась уже в 1920-е годы. Дуализм советской внешней политики состоял, как известно, в активном содействии мировому революционному движению при одновременном налаживании экономического – а в некоторых случаях политического и военного – партнерства с правительствами капиталистических стран. Диктовался он, прежде всего, необходимостью

скорейшего восстановления экономики страны, находившейся в руинах после мировой и гражданской войн, и предотвращения новой интервенции западных держав в условиях «запаздывания» мировой пролетарской революции. Несмотря на всю специфику стран Востока и взаимоотношений с ними Советской России, большевистское руководство рассматривало Азиатский регион только как один из театров своей общемировой политики. Единственной важной особенностью здесь большевики признавали широкое национально-освободительное движение, которому в конечном итоге они отводили лишь роль дестабилизатора мировой капиталистической системы. Поэтому перед наркоматом по иностранным делам с первых же дней работы на восточном направлении встали те же основные задачи, что и на западном. Одной из главных задач было предотвращение новых дипломатических конфликтов и военных столкновений с империалистическими державами.

Еще не завершились Гражданская война и интервенция Японии на советском Дальнем Востоке, как в июне 1921 г. Г.В. Чичерин вынес на обсуждение членов Политбюро ЦК РКП(б) составленный им проект о корейских повстанческих отрядах. В нем нарком предостерегал советское руководство от втягивания в вооруженный конфликт с Японией, в том числе вследствие оказываемой Москвой поддержки антияпонскому национально-освободительному движению в Корее, и выступал с соответствующим предложением. По мнению Г.В. Чичерина, «Пока Япония в борьбе против ДВР и Советской России ограничивается нынешними половинчатыми действиями без открытой войны и держится колеблющейся политики, корейские повстанческие отряды не должны иметь своим местопребыванием территорию ДВР и не должны в форме целых формирований быть отправляемы из ДВР или из Советской России в Корею. Расформированию, – уточнял нарком, – они не подлежат, но не следует допускать их открытых, тем более демонстративных передвижений на борьбу с японской властью в Корее». Данный проект, не встретив никаких возражений, и при полной поддержке В.И. Ленина был утвержден на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 10 июня 1921 года¹.

В письме секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 30 сентября того же года Г.В. Чичерин формулирует одно из правил ведения советской внешней политики и на Западе, и на Востоке, которым, по его мнению, необходимо руководствоваться, имея в виду опасность серьезных столкновений с мировыми державами: «Ввиду чрезвычайно осложненного международного положения, в которое мы теперь вступили, необходимо устранять всякий лишний повод к нападкам на нас, за который могли бы уцепиться наши противники или недоброжелатели». Причем поводом для подобных совершенно ненужных осложнений, считал нарком, может стать любая мелочь, вплоть

до названий некоторых существовавших на советской территории организаций. Поэтому в том же письме Г.В. Чичерин, обрисовывая имевшую место в Закавказье ситуацию, выступил со следующим предложением. «Английское правительство, – указывал он, – упустило из внимания, что в Баку существует так называемый Совет Пропаганды и Действия на Востоке. Ссылки на отдельность Азербайджанского Правительства и Коминтерна могут годиться для заполнения полемических нот, но Английское правительство по существу с этим не считается и поскольку речь идет о действительном устранении поводов для конфликтов, не следует полагаться на эту отдельность. Между тем самое название “Совет Пропаганды и Действия на Востоке” носит крайне вызывающий характер. В прошлом году Англия ссылалась на существование этого Совета. В данный момент она, очевидно, не знает об его продолжающемся существовании, что легко объясняется его полным бездействием, но если какой-нибудь источник доведет до сведения английского правительства о существовании учреждения с таким одиозным названием, оно, конечно, не преминет за это ухватиться. Учреждение фактически бездействует, но его название может быть источником совершенно ненужных лишних осложнений. Нельзя ли предложить Коминтерну назвать это учреждение просто “Бакинской Секцией Коминтерна” или другим подобным же безобидным названием. Зачем без нужды создавать себе лишние поводы для осложнений?»².

Проблемы, которые Коминтерн и родственные ему организации повсеместно создавали во взаимоотношениях СССР с капиталистическими державами, Г.В. Чичерину приходилось решать на протяжении всех лет работы в НКВД. Очередные неприятности на внешнеполитической арене, по мнению наркома, советское руководство ожидало в случае принятия членами Политбюро ЦК ВКП(б) предложения, поступившего в июне 1928 г. от генерального секретаря Профинтерна А. Лозовского³, об устройстве по случаю VI Конгресса Коминтерна общесоюзного двухнедельника помощи китайскому рабочему движению. «Этот план, – указывал Г.В. Чичерин И.В. Сталину и другим советским руководителям в письме от 18 июня 1928 г., – внушает мне серьезные опасения. Он означает, – разъяснял нарком, – что по всем градам и весям Советского Союза будут наперерыв ругательски ругать Японию, вытаскивать чучела премьера Танаки⁴, Микадо⁵ и т.п. и выставлять антияпонские надписи. При нашем нынешнем международном положении, и в частности при нынешнем положении на Дальнем Востоке, это может иметь чрезвычайно неприятные результаты. Но речь будет идти не только об Японии. Среди держав имеются Франция и Италия. Будут выступать с чучелами Пуанкаре⁶, Муссолини⁷, Бриана⁸ и т.д. и со всякими надписями соответствующего содержания. Если бы дело

шло об одной демонстрации профсоюзов, можно было бы отпарировать протесты. Но когда все это будет происходить одновременно в течение 2-х недель по всем градам и весям Советского Союза, никакие попытки отпарировать протесты не будут реальны. Наконец, для наших отношений по государственной линии в самом Китае это будет громадным осложнением. Я поэтому сильно сомневаюсь в том, чтобы было целесообразно устраивать такую грандиозную демонстрацию против держав и против всех буржуазных элементов в Китае»⁹. Предостережения Г.В. Чичерина возымели свое действие и стали одной из причин, по которой Политбюро приняло решение отклонить предложение об устройстве китайского двухнедельника¹⁰.

Сложности в выстраивании взаимоотношений в Азии с империалистическими державами накладывались на трудности, с которыми НКВД столкнулся в процессе налаживания отношений с самими странами Востока. Притязания Турции на большую часть Кавказа, Персии – на Азербайджан и часть Средней Азии, поддержка Афганистаном басмаческого движения – вот далеко не полный перечень тех проблем, которые уже в 1920–1921 гг. пришлось решать советскому руководству в своих отношениях с азиатскими соседями. Однако, пожалуй, самым важным фактором, усиливавшим взаимное недоверие, стало плохо скрываемое стремление большевиков «советизировать» восточные страны. Наиболее близко к этой цели советское руководство подошло в Персии уже в начале 1920-х гг., на территории которой в июне 1920 – сентябре 1921 гг. при его непосредственном участии была создана Гилянская республика, со временем получившая наименование Персидской Советской Социалистической. Правда, уже в сентябре 1920 г., разуверившись в успехе, большевики начали вывод Красной армии из Гиляна, а 26 февраля 1921 г. был заключен советско-персидский договор, устанавливавший дипломатические отношения и разрешавший все основные спорные моменты между двумя странами. Тем не менее, по информации, пришедшей в Москву от советского полпреда в Иране Ф.А. Ротштейна¹¹, в нарушение советско-персидского договора и общей линии НКВД в отношениях с Персией закавказские коммунисты во главе с С. Орджоникидзе¹² продолжали оказывать поддержку Гилянской республике.

В связи с этим 16 июля 1921 г. В.И. Ленин поручил Чичерину внести в Политбюро ЦК РКП(б) проект постановления о запрещении партийным и советским органам Кавказа нарушать русско-персидский договор и директивы ЦК и НКВД о персидской политике. В тот же день Г.В. Чичерин отправил В.И. Ленину письмо с проектом данного постановления, в котором, однако, рассматривал конфликт между С. Орджоникидзе и Ф.А. Ротштейном как очевидное недоразумение. «Принципиально в Баку нашу персидскую политику не

отвергают, – считал нарком. – Но есть опасность, [что] будут нарушать. Тов. Орджоникидзе дисциплинирован, если есть постановление ЦК. Мне кажется поэтому в высшей степени желательным, чтобы Политбюро предписало тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и советским учреждениям на Кавказе строго следить, чтобы русско-персидский договор и директивы ЦК и НКВД о персидской политике ни в коем случае не нарушались никакими советскими учреждениями и должностными лицами и партийными организациями»¹³.

Однако всего через несколько дней, 21 июля 1921 г., в своем новом письме¹⁴, Г.В. Чичерин пересматривает свою оценку и предлагает дополнительные меры: «Только что из Политупра мне переслали телеграмму из Ташкента о том, что туда прибыл из Баку представитель особой персидской бригады для набора персов коммунистов для пополнения бригады со специальным назначением. Это несомненно указывает на то, что бакинские товарищи действуют прямо-таки наперекор решениям Центрального комитета и всей нашей политике. В то время как мы заключили с Персией договор и соблюдаем с ней дружественные отношения, вербуются персидские коммунисты для какой-то авантюры. Убедительно прошу Центральный комитет сделать распоряжение о том, чтобы этим авантюрам был положен конец. К моему прежнему предложению я прибавляю поэтому еще другое. Предлагаю дополнительно, чтобы Центральный комитет предписал тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и советским учреждениям не допускать вербовок для вооруженных вторжений в Персию или военных действий на персидской территории...»¹⁵.

25 июля 1921 г. по итогам голосования членов Политбюро ЦК РКП(б) опросом по телефону проект постановления, составленный и внесенный на рассмотрение Г.В. Чичериным, был принят¹⁶.

Едва Г.В. Чичерин успел 13 августа 1921 г. в ответ на запрос В.И. Ленина подтвердить полное урегулирование конфликта с бакинцами и прекращение ими всякой помощи Гилянцу¹⁷, как в тот же день разгорелся новый конфликт. На этот раз обвинения были адресованы самим работникам НКВД и лично наркому. Авторы письма, направленного в Политбюро ЦК РКП(б), руководители Коминтерна Г.Е. Зиновьев¹⁸ и К.Б. Радек¹⁹ заявляли, что «в Наркоминделе за последнее время устанавливается такое отношение к Коминтерну, которое лишает» их «возможности отвечать за работу». В качестве одного из примеров, характеризующих взаимоотношения двух ведомств, они указывали: «Т. Чичерин посылает две депеши т. Цукерману²⁰ (в партии с 1918 г.), в которой (не сообщая нам и не спрашивая нас) в самых хлестких выражениях поручает ему следить за мнимыми авантюрами Турк[естанского] бюро Коминтерна (Сафаров²¹, Рудзутак²²). Результатом будет чудовищная склока». В заключение письма

Зиновьев и Радек просили ЦК «дать дельные указания Наркоминделу». В противном случае они слагали с себя ответственность за работу Коминтерна²³.

На следующий день Г.В. Чичерин направил в Политбюро развернутый ответ на эту критику. В довольно жесткой форме нарком указывал, в частности, что его «поручение т. Цукерману следить и сообщать центру о затеях Турк[естанского] бюро Коминтерна, являющихся вторжением в иностранную политику и опасных для международного положения республики», объясняется тем, что «если из ответственных источников» ему «сообщают о поддержке молодыми секретарями из Турк[естанского] бюро Коминтерна бандитов в Персии, прикидывающихся революционерами, об их действиях, могущих повести к немедленному союзу Афганистана с Англией против нас и т.д., то» его «священная обязанность – принять меры, и прежде всего потребовать свиданий и материалов, т.е. чтобы т. Цукерман следил и сообщал». «Склоки не будет, – успокаивал Чичерин, – уже потому, что туда поехал т. Иоффе²⁴ для разбора всех склок», но «из-за боязни склоки, – добавлял Георгий Васильевич, – нельзя жертвовать безопасностью республики, цитадели мировой революции...». «Не понимаю, – возмущался он, – почему ради Коминтерна требуется рассорить нас с Афганистаном, Персией и Китаем... Все повсеместно смешивают РСФСР и Коминтерн, и несвоевременный шаг его может создать нам катастрофу. Военных сил у нас мало. Нападение на нас Афганистана может повести к катастрофе в Туркестане. Этим нельзя играть. Считать позорною бдительность ввиду этих опасностей – это действительно позорно». Подводя итог сложившимся взаимоотношениям между двумя ведомствами, Г.В. Чичерин заключал: «Приписанная НКВД линия не существует, и зло заключается в недостатке контакта у НКВД с Коминтерном».²⁵

Согласившись с доводами наркома, В.И. Ленин направил В.М. Молотову следующее свое решение: «По-моему, поручить Зиновьеву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент “закрытым”. 17.VIII. Ленин»²⁶.

Не меньшую опасность взаимоотношениям Советского государства с другими странами (в том числе странами Востока), по мнению Г.В. Чичерина, представляла собственная пресса. «Один из важнейших вопросов, писал Георгий Васильевич в своем «Завещании»²⁷, – контроль НКВД над прессой. Никакая внешняя политика не может вестись, когда под влиянием каких-то неизвестных закулисных нажимов газеты предаются всяким безобразиям. До 1928 года все, что в “Известиях” и “Правде” имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял. Несколько раз я прямо спас положение, в особенности, когда какой-нибудь

идиот из братской компартии проталкивал чудовищную нелепость. ... Труднее было с другими, в “Веч[ерней] Москве” были нелепые сенсации, “Комс[омольская] правда” печатала иногда дикий вздор (особенно) против Кемаля²⁸). Теперь, – указывал уходящий со своего поста нарком, – связь с прессой у НКВД совсем развинтилась. Вам, – обращался он к В.В. Куйбышеву, – придется ее снова наладить. Нельзя вести политику при нынешних безобразиях прессы. ... Есть еще журнальчики, “Большевик”, “Спутник аг[итатора]” и т.д. В особенности Султан-Задэ²⁹, Китайгородский и т.п. напрягают в журнальчиках силы, чтобы испортить наши отношения с Турцией и Персией. Очень им этого хочется»³⁰.

Имел в области своей восточной политики Г.В. Чичерин критиков «слева» и в собственном наркомате. Одним из них стал в середине 1920-х гг. полпред в Персии К.К. Юренев³¹. Через него, как указывал Г.В. Чичерин, «бывший тогда в Тегеране нелепейший троцкист Вардин³² чуть не с каждой диппочтой из Тегерана посылал в Москву 18–20 писем членам Политбюро и другим влиятельным товарищам с самыми бешеными, хулиганскими нападками на меня и на нашу политику (“единый контрреволюционный фронт от Чичерина до Резы-Шаха”³³, “персидские крестьяне заслуживают помощи Красной армии”) – через нашу диппочту!». По словам Г.В. Чичерина, лишь после того как, побывав в Москве, Юренев убедился, «что Троцкий не имеет шансов на победу, он пошел на мировую со мной...»³⁴.

«Нечего сетовать, если Реза оказался не Робеспьером, но Бонапартом, – разъярял Георгий Васильевич К.К. Юреневу в письме от 6 января 1926 г., – Я никогда не видел в нем Робеспьера, и его превращение в Бонапарта меня нисколько не удивляет и не смущает. Лучше Бонапарт, чем Бурбон... Не смотрите на него вблизи, это плохая система и ведет к ложным результатам. Отступите подальше и окиньте взором и прошлое, и настоящее, и исторически необходимое будущее... Надо уметь подойти к нему не только исторически, но и психологически»³⁵. Как указывал Г.В. Чичерин еще в июле 1921 г. оному из первых советских полпредов в Тегеране Ф.А. Ротштейну: «Надо смотреть на реальности, а не рассуждать плохо сделанными обобщениями... Национальное освобождение от гнета империализма... – вот нынешняя задача Персии»³⁶.

Сходное наставление в июне 1921 г. получил и новый полпред РСФСР в Афганистане Ф.Ф. Раскольников³⁷. «Вам поручается обратить особенно серьезное внимание, – поучал нарком молодого дипломата, – на реформистскую программу эмира³⁸. В нынешней стадии развития Афганистана просвещенный абсолютизм типа нашего XVIII столетия является для него серьезным прогрессивным явлением... Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, не представляющей

для него никаких предпосылок. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самостоятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»³⁹.

Таким образом, отсутствие коммунистических воззрений у таких азиатских монархов, как Аманулла-Хан и Реза-Шах, по мнению Г.В. Чичерина, было не только естественным, но, более того, исторически необходимым явлением и не могло препятствовать становлению единого антиимпериалистического фронта большевиков с руководителями национально-освободительного движения в странах Востока.

Что же касается возникших в Азии коммунистических организаций, то в полной мере отношение к ним Г.В. Чичерина проявляется в его ответе В.М. Молотову 9 июня 1921 г. на запрос о постановлении ЦК корейской компартии, поступившем на рассмотрение в Политбюро ЦК РКП(б). С нескрываемым раздражением и удивлением он отмечал, что требования руководства корейской компартии, «чтобы Центральные Советские учреждения воздерживались без рекомендации Центрального Комитета Корейской Коммунистической Партии от каких бы то ни было сношений с представителями других Корейских политических и партийных организаций, есть нечто совершенно неслыханное и прямо таки чудовищное. Даже в передовых странах с сильным и развитым коммунистическим движением никогда коммунистические партии не доходили до того, чтобы требовать от нас для себя такой монополии на сношения и запрета сноситься с какими-либо организациями без их рекомендации». «Стеснять свободу Советского правительства в сношениях с какими ему угодно лицами и организациями, хотя бы Кореи, – указывал нарком, – конечно, совершенно не допустимо. Тем более в отсталой стране, в которой коммунизм может существовать лишь в виде крайне слабого, тепличного ростка, ставить все наши сношения под контроль этой едва родившейся неопытной коммунистической партии – просто чудовищно». «Многочисленными резолюциями съездов и конгрессов, – напоминал Г.В. Чичерин, – установлено, что на Востоке мы ставим себе задачей содействие национально-освободительным движениям; тем более, в таких совершенно отсталых странах, как Корея, где для коммунизма нет почвы, мы, оказывая, конечно, всяческое содействие только что родившейся коммунистической партии, не можем не сознавать, что это фактор весьма слабый и не можем не считаться

со всеми другими факторами, соответственно их реальному значению». «Можно, конечно, – подводил итог Георгий Васильевич, – спрашивать у Корейской коммунистической партии ее заключения, но оно должно быть для нас совершенно необязательно»⁴⁰. Получив полную поддержку В.И. Ленина в этом вопросе, Г.В. Чичерин добился отклонения членами Политбюро поступившего от корейских коммунистов предложения.

Однако далеко не всегда в своей восточной политике Г.В. Чичерин одерживал победы над ультралевыми настроениями в советском руководстве. Более того, после смерти В.И. Ленина и утверждения во главе партии И.В. Сталина Георгий Васильевич вместо активного противоборства революционным перегибам в странах Востока стал все чаще «уходить в болезнь». Так было, например, с навязанным генсеком НКВД и Коминтерну курсом на «советизацию» Китая и разрыв с лидером Гоминьдана Чаном Кайши⁴¹. В одном из писем своему другу и единомышленнику В.Л. Коппу⁴² (на тот момент полпреду в Японии) заклятый враг Чичерина и его заместитель в наркомате М.М. Литвинов⁴³ сообщал: «... после своего избрания (в 1925 г. – Д.Р.) в Центральный Комитет коммунистической партии Чичерин сделался еще трусливее на заседаниях Политбюро и не смеет буквально пикнуть, боясь, что на следующем партийном съезде его не выберут в ЦК. Трусость Чичерина дошла до того, что, боясь последствий карахановско⁴⁴-бородинской⁴⁵ деятельности в Китае, но не смея в то же время возражать Политбюро, он притворился больным и свыше месяца отлеживается на диване своего кабинета, принимая в таком виде иностранных дипломатов. Китайская же политика перешла целиком к специальной комиссии Политбюро под председательством Уншлихта⁴⁶», которого Литвинов назвал в своем письме «тупоумным фармацевтом»⁴⁷. Лишь после провала сталинской политики в Китае в апреле 1927 г., уже находясь на лечении в Германии, в письме И.В. Сталину от 20 июня 1929 г. Г.В. Чичерин дает, наконец, оценку итогам советской политики в Китае: «Ложная информация из Китая повела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики 1923–1926 гг.), вследствие которых так называемый “советский период китайской революции” уже два года заключается в ее полной подавленности»⁴⁸.

Главным средством вовлечения народов Востока в общемировую революционный процесс Г.В. Чичерин считал не коммунистическую пропаганду, а экономическое сотрудничество и экономическую помощь азиатским странам. В письме временному поверенному в делах СССР в Турции М.И. Розенбергу⁴⁹ от 24 мая 1923 г. он указывал на существование одного неоспоримого преимущества Советского Союза во взаимоотношениях с государствами Востока перед западными державами: «нас не пугает, что английские дипло-

маты “могут шептаться и даже немного больше” с деятелями Турции. Определяющим все же является то, что имеется неизлечимая склонность господ из Сити получать в колониальных странах одну маленькую вещь, называемую сверхприбылью, и имеется столь же неизлечимая склонность тех, с которых она должна быть содрана, ее не платить»⁵⁰.

Однако очень скоро Г.В. Чичерин убедился в том, что практически никаких преимуществ в этом плане СССР на Востоке себе не создал. Одним из первых на пути наркоминдела встал родственник его ведомству Наркомат внешней торговли. Характеризуя в своем «Завещании» прежние и настоящие взаимоотношения НКВД с НКВТ, Г.В. Чичерин указывал: «НКТорг является нашим внутренним врагом в Азии. Персия прикрывает Баку, Турция – вообще Кавказ; их можно было бы целиком политически купить послаблениями в торговле. Нет! Наши торгаши обдирают что есть мочи турецкий и персидский народы. Шумяцкий⁵¹ сделал всю Персию нашими врагами своим беспардонным хозяйничаньем, грабежом персов совместно с суперспекулянтами Бушери и Гайга. Все это возглавлялось Фрумкиным⁵². Когда в Персии черводарам (погонщикам верблюдов) в месте отправления выдавался недовешенный или мокрый сахар, а в месте прибытия с них за это брали штраф, вообще всячески надували и обирали (это все установлено ревизионной комиссией), и они отказались на нас работать, торгпред т. Голдберг⁵³ доносил: “Вследствие интриг Англии черводары отказываются на нас работать”. Созданные Шумяцким “смешанные” (мнимо смешанные!) общества, насквозь пропитанные торгашеством и империалистическим отношением к персам, были главным орудием наших попыток экономического закабаления Персии и сослужили громадную службу Англии». «Т. Микоян⁵⁴ внес сначала свежее, живое отношение к делу, но потом, – с сожалением отмечал Г.В. Чичерин, – он ушел с головой в высшую политику и снова усилились низшие и средние работники НКТорга, пропитанные узкоторгашескими традициями»⁵⁵.

Уже весной 1923 г. был нанесен первый удар по надеждам Г.В. Чичерина на установление особых экономических взаимоотношений Советского государства со странами Востока. 4 июня 1923 г. заместитель наркома внешней торговли М.И. Фрумкин в ответ на очередной запрос заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана заявил, что «ввиду определенного бойкота ангорским правительством органов НКВТ, а за последнее время определенного запрещения разгружать русские товары в турецких портах, НКВТ не видит необходимости посылать вместо тов. Ордынского другого представителя НКВТ»⁵⁶. Никаких мер к налаживанию советско-турецких отношений М.И. Фрумкин и стоявший за его спиной нарком внешней торговли Л.Б. Красин⁵⁷ предпринимать не собирались, возложив всю

ответственность за случившееся на турецкое правительство⁵⁸.

Ситуация грозила повториться в соседней Персии, в связи с чем 10 декабря 1923 г. Г.В. Чичерин пишет Л.Б. Красину эмоциональное письмо: «...форма организации продажи нефти в Персии есть один из самых больных вопросов наших отношений к Персии. Почему бы нефтесиндикату при сохранении своей монополии не продавать нефть персидским купцам? Отстранение последних от продажи нефти вызывает во всей Персии сильнейшее негодование. Этот слой, носитель прогрессивных идей и национализма, стремящийся ориентироваться на нас, превращается в наших врагов. Между тем персидские купцы представляют собой несравненно более дешевый и приспособленный аппарат распространения нефти, чем наши неуклюжие бюрократические официальные представительства. Персидский купец то же самое сделает дешево и великолепно, зная персидский рынок, донесет нефть до массового потребителя, в то время как нефтесиндикат ведет «беззастенчивую грабительскую политику. Он продает в Персии нефть гораздо дороже, чем внутри СССР, ибо с Персией ему нечего бояться. А к этой грабительской политике цен прибавляется вздорожание от неуклюжего дорогого официального аппарата. Все это повело к тому, что наша нефть в Персии стала недоступна для масс. ... Это одна из причин возрастающего ожесточения против Внешторга. Так же, как в Турции политика тов. Ордынского повела к краху, то же самое происходит и готовится теперь в Персии. До меня доходят самые тревожные сведения о том, что если так будет продолжаться, персы разорвут с нашим Внешторгом. Мы идем к катастрофе»⁵⁹.

Понимания у Л.Б. Красина Г.В. Чичерин не нашел. В ответном письме наркомвнешторг иронизировал: «Я абсолютно не могу согласиться с оценкой положения наших отношений с Персией, которую дает Ваше письмо от 10-го декабря этого года. ... Приписывать “надвигающуюся катастрофу” в наших взаимоотношениях с Персией тому обстоятельству, что у нас нефтяная торговля ведется нефтесиндикатом, это, по моему мнению, преувеличение, дальше которого трудно идти». Далее в письме шел традиционный для Л.Б. Красина пассаж о неизбежности государственной монополии на внешнюю торговлю, который заканчивался выводом о том, что в условиях, когда даже Западная Европа «скрепя сердце» смирилась с ней, «совершенно непонятной и абсолютно ненужной была бы капитуляция перед теми несколькими персидскими фирмами или купцами, которым не нравится наша система нефтяной торговли». «Вероятно, – допускал Л.Б. Красин, – Нефтесиндикат как и большинство наших синдикатов слишком перегибает палку в сторону повышения цен... Тем не менее самая система торговли нефтью не может вызывать никаких нареканий». Подытоживал свое письмо наркомвнеш-

торг тем, что глава дипломатической и торговой миссий в Персии Б.З. Шумяцкий целиком на его стороне⁶⁰. Это, впрочем, не помешало последнему уже в феврале 1924 г. объявить Л.Б. Красину об угрожающем положении советской торговли в Персии, которое невозможно будет исправить, если Нефтесиндикат «в ближайшее же время не пойдет на здоровое снижение отпускных цен на нефтепродукты, с одной стороны, и одновременно не прекратит широкой продажи керосина в Баку, что усиливало контрабандный вывоз»⁶¹.

Скептически отнеслись в НКВТ и к другой попытке Г.В. Чичерина укрепить взаимоотношения Советского государства с персидским купечеством, на этот раз путем включения персидских купцов в круг акционеров советско-германского смешанного общества Рустрозит. В отличие от главы НКИД в Наркомвнешторге не обнаруживали никакого доверия к восточным соседям. В письме от 9 декабря 1924 г. М.И. Фрумкин давал следующий ответ Г.В. Чичерину: «К сожалению, я и в настоящее время должен высказаться против включения перскупцов в круг акционеров Рустрозита. По договору немцы имеют 50% акций. Едва ли немцы пойдут на значительную уступку своих акций Персии. Нам придется часть наших акций тоже передать Персии, таким образом, мы большинства в Рустрозите иметь не будем. Можно заранее предвидеть, что немцы постараются сговориться с персами и пойдут с ними в Рустрозите единым фронтом против нас»⁶².

Не менее острые споры с представителями НКВТ возникали у Г.В. Чичерина и в отношениях с Афганистаном. 10 июня 1924 г. наркоминдел писал Л.Б. Красину: «Я получил доклад Долгополова и я самым решительным образом предостерегаю против того, чтобы верить ему хотя бы на одну йоту. ... У него типичная для старого царского чиновника антипатия к восточным реформаторам. Когда страдающие от налогов афганские мужики рассказывают ему о тягостях нового режима, Долгополов из этого делает самые неблагоприятные выводы для эмира, абсолютно не понимая, что никакая реформаторская деятельность на востоке невозможна без этих отрицательных явлений. Что касается отношения эмира к Англии, Долгополову совершенно непонятен тот факт, что в конечном счете, если брать историческую перспективу в целом, реформаторская политика в Афганистане не может ужиться с керзоновской политикой в Англии. Особенно поразительно его непонимание действительности там, где он выводит ненужность для нас торговли с Афганистаном из того факта, что Афганистан как раз теперь переходит от XII столетия к капитализму. Да ведь именно поэтому-то мы и должны теперь энергичнейшим образом развивать наши экономические связи с Афганистаном и уж во всяком случае мы не должны предоставить Англии овладеть процессом превращения Афганистана в промышленное государство.

Все предлагаемые Долгополовым мероприятия – самый вредный вздор – прямое безумие. Как раз теперь, в критический момент, гнать вон из СССР всех афганских купцов – это не имеет имени. Между тем, именно теперь афганское правительство и афганский посол в Москве особенно энергично настаивают на ускорении торговых переговоров. Этим может заняться Старк⁶³, но крайне желательно присутствие представителя НКВТ. Конечно, Долгополов для этого абсолютно не годится. Ничего, кроме вреда, он принести не может, это достаточно ясно по докладу»⁶⁴.

Не менее острые столкновения в ходе реализации восточной политики Г.В. Чичерин имел и с другим наркоматом – Наркомфином. В условиях подготовки финансовой реформы нарком финансов Г.Я. Сокольников⁶⁵ предложил задержать выплату Турции оставшейся суммы в размере 3,5 млн рублей по советско-турецкому соглашению о предоставлении Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн рублей. В письме В.М. Молотову Г.В. Чичерин негодовал: «Сокольников предложил нечто ужасающее, чему нет имени, – нарушить торжественное обязательство Московского договора, не уплатить в договорный срок (16 марта) требуемую сумму». Это значит, продолжал нарком, «грубо обмануть верящих нам турецких крестьян и ремесленников, опозорить себя перед всеми народами Востока, чтобы ни в чем больше нам не верили, чтобы презирали нас как обманщиков, – и меня лично, подписавшего договор, пригвоздить к позорному столбу перед народами Востока, политически убить. Не могу допустить, чтобы у кого-нибудь поднялась рука поддержать такое предложение, политическое самоубийство». Вновь В.И. Ленин оказался на стороне наркоминдела. «Я считаю, – писал он в Политбюро, – что Чичерин *абсолютно прав*, и предлагаю *Политбюро* решить: подтверждается точка зрения Чичерина. Выплатить в срок обещанное безусловно»⁶⁶.

С непониманием стоявших перед советской властью восточных задач Г.В. Чичерин постоянно сталкивался и в собственном наркомате. Главным оппонентом наркоминдела здесь был его собственный заместитель М.М. Литвинов, «источник всего зла», как окрестил его Г.В. Чичерин в одном из писем главе советского правительства А.И. Рыкову⁶⁷. Признавая его «отличным купцом и отличным техником ведения переговоров», в то же время нарком считал М.М. Литвинова «плохим политиком», сводившим все многообразие внешнеполитических задач к «узкомеркантильным моментам»⁶⁸.

Не удивительно поэтому, что поддержку в борьбе с М.М. Литвиновым в области революционной работы на Востоке Г.В. Чичерин часто искал у своих традиционных оппонентов по ряду других вопросов – руководителей Коминтерна.

В письме члену ИККИ К.Б. Радеку от 22 октября 1922 г. нарком указывал: «Он (Литвинов.

– Д.Р.) востокофоб и всячески мешает нашей восточной политике, и в большом и в малом – в данный момент на вопросе, в котором ему легче получить поддержку Владимира Ильича, о сокращении штатов Отдела Востока и упразднении ряда восточных консульств». «Между тем, – разъярял Г.В. Чичерин, – политика, например в Персии, ведется не в одном Тегеране, а также в Тавризе, Курдистане, Хорасане, у бахтиар и т.д. Внестоящие этого не понимают»⁶⁹. Сокращение штатов НКВД на Востоке вообще, по свидетельству Г.В. Чичерина, было излюбленной темой для М.М. Литвинова. Так, в письме В.В. Куйбышеву нарком указывал, что Литвинов постоянно добивался упразднения Среднеазиатского подотдела НКВД, отвечавшего за работу в Афганистане, Синьцзяне и среди «многочисленных среднеазиатских национальностей»⁷⁰.

Особую обеспокоенность за судьбу восточной политики Георгий Васильевич испытывал, когда был вынужден временно отходить от дел и отправляться на лечение. Оставить М.М. Литвинова и его сторонников в наркомате без присмотра означало для него поставить под удар все начинания и успехи, достигнутые НКВД во взаимоотношениях со странами Востока. Вновь в такие моменты Г.В. Чичерину требовалась поддержка влиятельных лиц в партийном руководстве. Так, 2 сентября 1925 г. в письме Г.Е. Зиновьеву он сообщал, что «должен на два месяца поехать лечиться», и что «нет абсолютно никого, кроме тов. Карахана, кто бы мог вести восточные дела». Последнее утверждение нарком подкреплял нелестной характеристикой другим членам Коллегии НКВД, прежде всего М.М. Литвинову, от которого, по его мнению, исходила главная угроза: «Ротштейн слаб. Когда я ездил в Тифлис, Ротштейн вместе с Литвиновым и Коппом выступал против нашей восточной политики, особенно китайской; пока я здесь, он не вмешивается; но без меня он будет иметь возможность всячески вредить, а Ротштейн и Аралов⁷¹ слабы и безличны, не помешают ему. Есть тысячи текущих мелочей, в которых можно вредить. А Карахан не даст (при Вашем содействии)». Письмо Г.В. Чичерина заканчивалось следующими словами: «Итак, я надеюсь на Вас, что Вы сможете устранить все препятствия передаче в моем отсутствии Карахану руководства востоком»⁷².

Отстаивать интересы восточных народов в целях укрепления союза большевиков с антиимпериалистическими силами в Азии Г.В. Чичерину приходилось и в высшем партийном руководстве. Один из таких эпизодов борьбы наркома за утверждение в верхах своего подхода к восточной политике в начале 1920-х гг. был связан с Афганистаном. Субсидии, которые эта страна начала получать от Советской России в период англо-афганской войны в мае–июне 1919 г. были прерваны в связи с поддержкой афганским правительством басмаческого движения в Средней

Азии. Разгром большевиками повстанческих сил и присоединение Бухарского эмирата в октябре 1920 г. сняли эти противоречия. В связи с этим Г.В. Чичерин в высшем руководстве был поставлен вопрос о возобновлении субсидий Афганистану. «Против этого, – вспоминал Георгий Васильевич, – была сильная оппозиция, стоившая мне большой борьбы, но я ее выиграл. Это была одна из моих больших побед. Субсидия была возобновлена с уплатой задним числом, хотя и не очень пунктуально, частично – золотом, затем все больше товарами и оружием... Вопрос об этом поднимался несколько раз, меня поддерживал Фрунзе⁷³ и выплаты шли своим чередом»⁷⁴.

Разочарование многих членов большевистского руководства в западноевропейском революционном движении после поражения германской революции осенью 1923 г., вопреки надеждам Г.В. Чичерина, не привело к существенному пересмотру ими своего скептического отношения к национально-освободительным силам на Востоке. Более того, утверждение в ходе борьбы с левой оппозицией тезиса «о возможности построения социализма в отдельно взятой стране» способствовало ослаблению внимания партийных верхов к внешнему миру и большей концентрации на внутренних проблемах страны. Все чаще восточная политика наркома получала со стороны членов Политбюро негативную оценку. К моменту своего окончательного отхода от дел осенью 1928 г. возможностей для ее проведения у Г.В. Чичерина почти не оставалось.

9 августа 1928 г. в письме В.М. Молотову из Кремлевской больницы Георгий Васильевич указывал: «Тов. Ворошилов говорил в заседании Политбюро, что я больше защищаю интересы других правительств... Тов. Калинин при всяком удобном случае выдвигал плохое соблюдение Наркоминделом интересов СССР»⁷⁵. Единственный выход, заключал Чичерин – назначить другого наркома⁷⁶.

В очередной раз к этому вопросу Г.В. Чичерин возвращается в октябре 1928 г., находясь на лечении в Германии. В письме И.В. Сталину он указывал: «...со съездом Советов⁷⁷ связано назначение наркомов: это был бы удобный момент, чтобы меня не назначить». «В первый раз, – разъярял свою позицию Г.В. Чичерин, – явилось принципиальное расхождение, делающее мою работу невозможной. Мне трудящийся Персии и т.д. одинаково дорог как русский трудящийся. А тов. Рыков выдвинул принцип взимания выгод с персов ради улучшения положения Иваново-Вознесенска, то есть жертвования интересами персидских трудящихся ради интересов русских трудящихся. Я не могу быть работником правительства, эксплуатирующего угнетенные народы. Нормально было бы для меня уйти после принятия резолюции тов. Рыкова, но теперь будет назначение наркомов, удобный способ ухода (плюс заболевание). Вообще теперь пошла линия жесткого зажима восточных народов и ликви-

дации нашей восточной политики, встретившая одобрение Политбюро. Это крах нашей мировой политики, я должен уйти сейчас. Заполонившая НКВТ толпа пигмеев – слепых бюрократов задает тон, остается уйти. Я не могу сам хоронить нашу восточную политику»⁷⁸.

Потрясением для Г.В. Чичерина стало свержение в 1929 г. афганского эмира-реформатора Амануллы-Хана реакционной пробританской (как считал наркоминдел) оппозицией. В письме И.В. Сталину от 20 июня 1929 г. Георгий Васильевич обвинял партийное руководство: «Афганские посланники много лет настойчиво доказывали, что Аманулла не удержится без надежных частей, для которых нужны наши субсидии. А политбюро – глухая стена. Мало того, когда речь шла об одном только шоссе, т. Калинин заявил, что надо сначала провести шоссе в Московской губернии. Мировой стык между СССР и британской империей казался ему менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки историю!»⁷⁹

Оценивая накануне своей отставки общие итоги советской восточной политики за прошедшее десятилетие и не находя каких бы то ни было реальных достижений, нарком писал А.И. Рыкову: «В Китае мы расхлебываем результаты роковой линии 1927 г. В Афганистане мы упустили великолепный козырь десятью годами равнодушия и бездействия. В Турции и Персии гадят наши торгаши и наше равнодушие, а также нелепые выходы. ... Ах, не глядел бы ни на что! Развалины, развалины»⁸⁰.

Таким образом, советский внешнеполитический курс в странах Востока, направленный на укрепление союза со всеми местными национально-освободительными силами (по возможности без серьезных столкновений с западными державами), за который ратовал Г.В. Чичерин, и который еще в 1919 г. был принципиально одобрен партийными верхами, на практике в 1920-е гг. выдерживался весьма условно. Зачастую советское руководство либо склонно было проводить на Востоке коммунистические эксперименты, либо, забывая о революционных идеалах, придерживалось со странами Азии сугубо прагматических, коммерческих отношений. Однако, рассматривая взгляды Г.В. Чичерина на восточную политику с сегодняшних позиций, можно с большой долей уверенности утверждать, что те конечные цели, которые ставил нарком, были не осуществимы. Советская внешняя политика в странах третьего мира, проводившаяся с середины 1950-х гг. в русле его восточной концепции, не только не привела к краху мировой капиталистической системы, но и стала для отечественной экономики тяжким бременем, которое с появлением по всему миру все новых «друзей» СССР только увеличивалось и было сброшено лишь после крушения в стране коммунистического режима.

Примечания

- 1 Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Сб. документов. М., 1998. С. 286–287.
- 2 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 46. Л. 40а.
- 3 Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович) (1878–1952), бессменный генеральный секретарь Профинтерна (1921–1937).
- 4 Танака Гиити (1863–1929). С апреля 1927 до июля 1929 премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний. Предпринял две попытки (1927, 1928) военного вторжения в китайскую провинцию Шаньдун, которые закончились провалом.
- 5 Имеется в виду 124-й император Японии Хирохито (1901–1989), правивший в 1926–1989. Термин «Микадо» относится к императорскому дворцу или резиденции и нашел широкое распространение, поскольку у японцев не принято называть императора по имени.
- 6 Пуанкаре Раймон (1860–1834), французский государственный деятель. Неоднократно становился премьер-министром Франции. В 1913 – январе 1920 г. Президент Франции. Стремился использовать результаты Первой мировой войны 1914–1918 гг. для установления французской гегемонии в Европе. Осудил Версальский мирный договор 1919 г. как слишком мягкий. В 1920 г. председатель репарационной комиссии. Был одним из организаторов антисоветской интервенции. В 1926–1929 гг. премьер-министр и (до ноября 1928 г.) министр финансов Франции.
- 7 Муссолини Бенито (1883–1945), глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства в Италии в 1922–1943 гг.
- 8 Аристид Бриан (1862–1932), французский государственный деятель, дипломат. В 1909–1931 гг. 11 раз занимал пост премьера-министра и 17 раз – министра иностранных дел. После провала антисоветской интервенции – сторонник более гибкой политики по отношению к Советскому государству. В 1925–1931 гг. выступал за примирение с Германией. Являлся одним из инициаторов Локарнской конференции (1925), проекта создания «Пан-Европы». В 1927 г. Бриан подписал с госсекретарем США Ф. Келлогом Пакт Бриана-Келлога, торжественно ставящий вне закона войну во всем мире.
- 9 РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 8. Д. 96. Л. 19.
- 10 Там же. Л. 20.
- 11 Ротштейн Федор Аронович (1871–1953). В 1920–1923 гг. – полпред РСФСР в Иране. В 1923–1930 гг. ответственный редактор журнала «Международная жизнь», член коллегии НКВД СССР.
- 12 Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович). С апреля 1920 г. член Кавказского бюро, с февраля 1922 г. 1-й секретарь Закавказского, с сентября 1926 г. – Северо-Кавказского крайкома РКП(б).
- 13 В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 459.
- 14 Письмо адресовано В.М. Молотову и передано последним В.И. Ленину, спустя два дня – 23 июля 1921 г. По поводу

- содержания письма и факта его задержки В.М. Молотов получил следующую записку от В.И. Ленина: «Т. Молотов! Надо такие вещи быстро пускать. По телефону: за предложение Чичерина или нет? Я за предложение Чичерина» (В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 458).
- 15 В.И. Ленин. Неизвестные документы... С. 458.
- 16 В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев голосовали за чичеринский проект, В.М. Молотов воздержался (см.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 459).
- 17 Там же. С. 467.
- 18 Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936). В 1917–1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, одновременно в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна.
- 19 Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939). В 1920–1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна.
- 20 В 1920-е гг. заведующий Среднеазиатским подотделом НКВД.
- 21 Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович (1891–1942). С декабря 1920 по октябрь 1921 г. председатель Туркбюро ЦК РКП(б), затем (до 1924) работал в исполкоме Коминтерна.
- 22 Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1937). С октября 1921 по 1922 г. председатель Туркбюро ЦК РКП(б).
- 23 Коммунистический Интернационал... С. 306.
- 24 Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927). В 1918 г. председатель, затем член советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске, полпред РСФСР в Германии (до ноября 1918 г.). В 1920 г. председатель советских делегаций на переговорах о мире с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей. В 1921 г. заместитель председателя Туркбюро ЦК РКП(б), затем на дипломатической работе в Китае и Австрии.
- 25 Коммунистический Интернационал... С. 307–309.
- 26 Там же. С. 306.
- 27 Так называемое «Завещание» Г.В. Чичерина представляет собой последний вариант записки, написанной им в начале июля 1930 г. новому наркому иностранных дел. Причина того, что данная записка не была отправлена и осталась в архиве Георгия Васильевича, в том, что новым наркомом стал М.М. Литвинов, с которым у Чичерина сложились стойкие неприязненные отношения. Писал же Георгий Васильевич эти записки для В.В. Куйбышева, которого считал своим преемником. На одной из записок так и было написано: «Заметки для Куйбышева, нового НКВД» и сверху – «Не послано вследствие назначения Литвинова. Июль 1930».
- 28 Ататюрк Кемаль Гази Мустафа (1881–1938), руководитель национально-освободительной революции в Турции в 1918–1923 гг., первый президент (1929–1938) Турецкой республики. Выступал за укрепление национальной независимости и суверенитета страны, за поддержание дружественных отношений с СССР.
- 29 Султан-Заде (Микаэлян) Аветис Султанович (1888–1838). В 1919 г. был направлен Коминтерном в Ташкент, где работал в Совете международной пропаганды на Востоке. Один из основателей компартии Ирана, член её ЦК. В 1920–1923 гг. член Исполкома Коминтерна от Персии.
- 30 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>
- 31 Юренев (Кротовский) Константин Константинович (1888–1938). На дипломатической работе с 1921 г. В 1925–1927 гг. полпред СССР в Персии.
- 32 Мгеладзе (Вардин) Илларион Виссарионович (1890–1941). В 1920-е гг. редактор еженедельника Агитпропа ЦК ВКП(б) «Красная печать», секретарь РАПП, редактор журнала «На литературном посту». В 1925 г. активный участник «левой оппозиции».
- 33 Реза-Шах Пехлеви (1878–1944), шах Ирана в 1925–1941, основатель династии Пехлеви.
- 34 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 35 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 094. Оп. 5. П. 102. Д. 5. Л. 34.
- 36 АВП РФ. Ф. 094. Оп. 5. П. 102. Д. 5. Л. 8–9.
- 37 Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939). На дипломатической работе с 1921 г. В 1921–1923 гг. полпред РСФСР в Афганистане. В 1924–1929 гг. под псевдонимом Петров – руководитель Восточного секретариата Коминтерна. Дипломат-невозвращенец (1938), автор знаменитого обличительного открытого письма И.В. Сталину.
- 38 Имеется в виду Аманулла-Хан (1892–1960), афганский король-реформатор в 1919–1929 гг., добившийся независимости от Великобритании, заключивший ряд договоров с Советской Россией, в т.ч. договор о признании 28 февраля 1921 г.
- 39 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6, П. 43. Д. 594. Л. 3–4.
- 40 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 659. Л.
- 41 Чан Кайши (1887–1975), военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена (1925).
- 42 Копп Виктор Леонтьевич (1880–1930). С 1919 г. на дипломатической работе. В 1923–1925 гг. уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР, член коллегии НКВД СССР. В 1925–1927 гг. полпред СССР в Японии.
- 43 Литвинов (Баллах) Максим Максимович (Макс) (1876–1951). На дипломатической работе с 1917. В 1921–1930 гг. заместитель наркома по иностранным делам (возглавлял Западный отдел НКВД). С 1930 г. нарком по иностранным делам СССР.
- 44 Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937). С 1918 г. член коллегии Наркоминдела, заместитель наркома по иностранным делам (возглавлял Восточный отдел НКВД), ближайший сподвижник Г.В. Чичерина. В 1923–1927 гг. полпред в Китае. Вопреки собственным убеждениям стал проводником сталинской политики в Китае, за что, по свидетельству бывшего советского дипломата Г.З. Беседовского, был назван М.М. Литвиновым «верным лакеем в прихожей Политбюро».
- 45 Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884–1951). В 1907–1918 гг. жил в Америке. В 1918 г. поступил на работу в НКВД и Коминтерн. В 1923–1927 гг. главный политический советник Сунь Ятсена и национального кантонского правительства Китая.
- 46 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). В феврале 1925 – июне 1930 гг. заместитель председателя РВС

- СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР.
- 47 См.: *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 192.
- 48 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. (Из рассекреченных архивов МИД РФ) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>
- 49 Розенберг Марсель Израилевич (1896–1939). На дипломатической работе с 1918 г. С 1920 г. секретарь наркома иностранных дел Чичерина. С 1921 г. 1-й секретарь советского полпредства в Афганистане и других странах.
- 50 Цит. по: *Соколов В. Г.В.* Чичерин и НКВД // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 51 Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938). На дипломатической работе с 1921 г. В 1922–1923 гг. советник полпредства РСФСР в Персии, в 1923–1925 гг. полпред и торгпред СССР в Персии.
- 52 Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938). В 1922–1929 гг. заместитель наркома внешней торговли РСФСР (СССР).
- 53 Голдберг Б.И. (1884–1946). В 1923–1924 гг. уполномоченный Реввоенсовета при Наркомвнешторге.
- 54 Микоян Анастас Иванович (1895–1978). В 1926–1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли СССР.
- 55 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 56 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 285.
- 57 Красин Леонид Борисович (1870–1926). На дипломатической работе с 1918 г. В 1923 г. стал первым в истории СССР наркомом внешней торговли. Одновременно был полпредом во Франции (с 1924) и Великобритании (с 1925).
- 58 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 300.
- 59 Там же. Л. 40.
- 60 Там же. Л. 41–42.
- 61 Там же. Д. 1776. Л. 61.
- 62 Там же. Д. 1830. Л. 83.
- 63 Старк Леонид Николаевич (1889–1937). На дипломатической работе с 1920 г. В 1924–1936 гг. полпред СССР в Афганистане.
- 64 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1776. Л. 144–145.
- 65 Сокольников (Бриллиант) Григорий (Гирш) Яковлевич (Янкелевич) (1888–1939). В 1922–1926 нарком финансов СССР.
- 66 См.: *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 105.
- 67 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 7. Л. 66.
- 68 Там же. Л. 53.
- 69 Там же. Л. 2.
- 70 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 71 Аралов Семен Иванович (1880–1969). На дипломатической работе с 1920 г. В 1921–1923 гг. полпред РСФСР в Турции. В 1925–1927 гг. член коллегии НКВД СССР.
- 72 РГАСПИ. Ф. 234. Оп. 2. Д. 84. Л. 60–61.
- 73 Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925). В августе 1919 – сентябре 1920 гг. командующий Туркестанским фронтом.
- 74 Цит. по: *Печатнов В.* Переписка Г.В. Чичерина с Л. Фишером. (Из архива Йельского университета) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 75 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 102–103.
- 76 Там же. Л. 103.
- 77 Имеется в виду XIV съезд Советов, прошедший 10–18 мая 1929 г. в Москве.
- 78 Там же. Л. 108.
- 79 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...
- 80 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...

УДК [94:327] (430:47+57) «1918/1933»+929

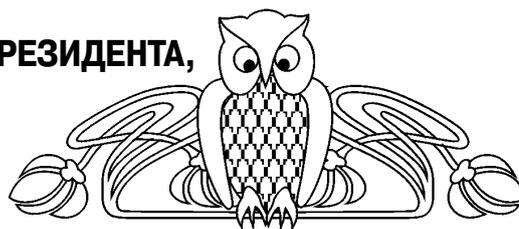
Ф. ЭБЕРТ И П. ФОН ГИНДЕНБУРГ – ДВА ПРЕЗИДЕНТА, ДВЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

А.В. Лучников

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: aluchnikov@mail.ru

В статье исследуется как президенты Веймарской республики Фридрих Эберт и Пауль фон Гинденбург создавали внешнеполитические прогнозы и планы по отношению к Советской России в 1920-е гг., разнообразие их взглядов, а также фокусируется внимание на восприятии немцами СССР и советского руководства, стереотипы и образы, существующие относительно немецкой политики.

Ключевые слова: Веймарская республика, концептуальная модель, внешнеполитические рычаги управления, германо-советские дипломатические отношения, Лига Наций, рейхсканцлер.

F. Ebert and P. von Hindenburg – two Presidents, two Strategy of Foreign Policy

A.V. Luchnikov

The article examines how Presidents of Weimar Republic F. Ebert and P. von Hindenburg created forecasts and planes towards Soviet Russia in 1920s, diversity of their opinions also focuses on German perception of the soviet elite, stereotypes and images that affects German policy.